

Александр Адельфинский

Холм Будды

Философские стихи

Александр Альфредович Адельфинский
Холм Будды.
Философские стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27433707
ISBN 9785448596964

Аннотация

Сборник «Холм Будды» посвящён философской тематике, переосмыслению автором важных для него глобальных и личных тем бытия.

Содержание

Посвящение	5
«Море волнуется раз»	6
Океан во мне	8
Младенческое	9
Память о колыбельной	11
Четырнадцатилетие	12
«Комнаты, покинутые нами...»	14
«Моя душа сгорела очень рано...»	15
Адский поезд	16
«Здесь не встречаются день и ночь...»	21
Качели: земные и небесные	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Холм Будды
Философские стихи

Александр Альфредович
Адельфинский

Корректор Николай Редькин

© Александр Альфредович Адельфинский, 2017

ISBN 978-5-4485-9696-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Пуускай гадают иль осудят,
Но не отвечу, речь о ком:
Мой сборник посвящаю Будде,
И Будде Первому притом.

Когда мой мир перевернётся,
Желательно, в нескорый час,
Пусть он прочтёт – и улыбнётся
И вспомнит многое о нас.

С благодарностью.

Автор.

Александр Альфредович Адельфинский.

«Море волнуется раз»

Море волнуется раз,
Море волнуется – два,
Море волнуется – три...
Морская фигура, замри.
(из уличной игры моего детства)

Умерли деревья детских лет,
Но деревьям детства смерти нет:
Образы их по небу летят,
На меня заплаканно глядят.

Тех деревьев волшебных нету тут,
Только надо мной они цветут,
Надо мной летят к морям моим,
Лепестки цветенья дарят им.

Полетели с ними! Посмотри:
Замирали мы по счёту «три»,
Те фигуры наши на земле —
Памятники нам в цветущей мгле.

Мгла цветёт у моря, я брожу
Между тех фигур, на них гляжу.
Это я среди детей других,

Только те глаза живе́й моих.

Памятники те, прощальным, нам —

Реквием по детства временам.

Голоса застыли, посмотри,

И звенят, звенят на счёте «три».

...В звёздном лабиринте я искал

Свет морских божественных зеркал.

Океан во мне

Тишина мерцает водой,
Архаической, седой.
Над водой, на воде, на дне, —
Океан во мне.

Нам распахнуты слёзы гроз,
Воздух ночи, движенье звёзд.
Нам достаточен миг вполне.
Океан во мне.

Миг окончен, и ты летишь,
Звёздным плачем роняя тишь.
В закосмической той стране
Океан во мне!

На иной стороне листа
Будет память весной чиста.
Ты шепни от меня весне:
«Океан во мне»...

Младенческое

Тогда, когда ходить ещё не мог,
Лежал, свои рассматривая руки,
И чувствовал в отчаянье немом,
Как некие мои воспоминанья
Стираются волною за волной,
И пахло почему-то океаном,
Хоть слово не известно было мне.
Мучительно, бессильно и светло
Качался надо мною потолок —
С названием, которого не ведал.
Не знаю даже ныне, с чем сравнить
Вселение внезапное моё
С последующим долгим изученьем
Того, в ком доведётся здесь прожить,
И, Боже мой, как пахло океаном...
...Прошло уже немало лет земных,
Но словно он преследует меня,
Тот самый, невозвратный, океан
Из жизни за распахнутым окном
Миров иных, и ропщется в ночи,
И терпится, и поиски мои
Бессмысленны, но, может быть, потом,
По квантовым законам, я войду
В немыслимую радость дальних вод,

Где ясные мои колокола
Звучат, звучат в сиянии небес,
Где широкоформатный океан
Шумит и плачет!

Память о колыбельной

Вода прибывает, и сумрачны коридоры.
Все ушли давно, и мокрая штукатурка.
Давит вода снаружи солью сквозь поры.
Лопнув, порвутся стены больно и жутко.

Пуля в холсте не останется, воды хлынут.
Всех морей корабли – кораблик бумажный.
Помнишь, как его складывать? Память вынут.
Новые чайки сюда прилетят однажды.

Новые чайки новыми будут нами.
Каждый однажды – истинный и отдельный.
Лишь над водой коридоров забьётся память —
Голубем белым. Память о колыбельной.

Четырнадцатилетие

Бросая камешки по воде,
Он думал: никто, никогда, нигде,
Как он, из него, не сможет понять
Ни сверху небо, ни снизу гладь.

Бросая камешки по воде,
Он слышал, как он стоит в немоте,
И та немота, он знал наперёд,
И дальше будет, и после ждёт.

Бросая камешки по воде,
Он видел, провидел и холодел:
За тою чертой, такой же один,
Показывал кто-то чреду картин.

Бросая камешки по воде,
Он плакал, затерянный в той чреде,
А звёздные смерчи вбирали свет
И этой, здешней, и тех планет.

Бросая камешки по воде,
Он не выбирал, он знать не хотел,
Он ведал, но было страшней всего,
Что в этом – счастье его.

«Комнаты, покинутые нами...»

Комнаты, покинутые нами,
Ставшие заброшенными снами.
По оконным стёклам дождь струится
Там, где ничего не повторится.

Сны дождём покрыли эти стёкла,
Сонно изнутри стекло намокло.
Ты ушёл, но памятью струишься,
Комнатам, как дождь, размыто снишься.

Ты – их сон, во сне виденья странны:
Ты для них – дожди и океаны,
Ты – над океаном воздух, ветер,
Ты уже на том и этом свете.

Комнаты оставленные – помнят.
В небе – корабли из наших комнат.
Нас довоплотят чужими снами
Комнаты, покинутые нами.

«Моя душа сгорела очень рано...»

Моя душа сгорела очень рано,
Я сердцем стал до времени седой.
Целил я, что осталось, океаном,
Суровой океанскою водой.

Но слишком солона она, жестока,
То дно манит, то гибельная мель,
То в космосе надводном одиноко —
Так, что забудешь исцеленья цель.

А цель проста: постичь и раствориться
И распахнуть гармонию мою,
В мой рай войти, где облачные птицы,
Невидимые, в сумерках поют.

Так я открыл иные океаны,
Где болью их вода не солона,
Где поутру ласкаючи туманы,
Где музыка моя растворена.

Адский поезд

...Довольно долго
Меня томил сюжет довольно странный.
Мы сели в поезд, солнце заходило
И оставляло длительные тени,
И было слишком внятно и тревожно.
Перрон застыл, как будто мир втянулся
В состав наш длинный железнодорожный,
А солнечно слепящие лучи
К нам не вошли, оранжево остались
Снаружи. Я глядел на тот перрон,
Осмысленное здание вокзала
С просветами заката акварелью,
И я понять не мог, что говорили
Мне виды эти, как предупреждали,
Мол, надо выйти, никуда не ехать,
Остаться с солнцем.
Затем как будто я уснул на время,
А, как проснулся, поезд изменился.
И вроде ничего первоначально,
Но как-то поменялась атмосфера,
А прежде за окном пейзаж менялся.
То ангелы, то корабли летали,
То поезда другие над землёю,
То бесы, то порою целый остров

Взметнётся над водою и парит,
И сверху вниз с него стекают реки,
Стремятся водопадами, а море
Волнуется, шумит, хотя безмолвно,
Ведь мы-то за стеклом.

А после стало просто невозможно:
Вода уже летела вверх, не вниз,
Стремясь туда обратным водовзлётом;
И реки утекали там к истокам,
Дожди взмывали вверх, и облака
Росли красиво.

В поезде никто,

Никто и ничему не удивлялся.

Все ели, рассуждали, обсуждали
Себя! Потом они внезапно встрепенулись
И стали делать селфи: «я – и бесы»;
«Я – а подальше острова летают»;
«Я – и еда на фоне странных видов»...

Не удивляясь и не осуждая,

Пошёл я прогуляться по вагонам.

В них были все: и некие народы

Древнейшие, которых я не знал;

Шумеры были, были египтяне —

У них воскресли разом фараоны,

И слуги, и наложницы, рабы;

Я видел там друидов, видел скальдов;

Там викинги сидели и молчали,

Затравленно блестели их глаза.

Я видел человечество в вагонах.

Темнело долго, клейко, я смотрел,
Глазам не веря, в то же время веря,
И я понять не мог, к чему вот это —
Вот это приключение досталось
Как раз-то мне. Мы въехали на мост,
И дно вагонов загудело зыбко,
А там, внизу, в провальной темноте,
Прикрытой чуть туманом голубым,
Огни мерцали. Думал я сперва,
Что это города, и, как ни странно
(Я это понимал уже тогда),
Отправился в вагон – я ресторан.
И я тому отнюдь не удивился,
Кто там сидел, и мы вели беседы
На разных языках, и вот вошёл
Знакомец давний: он поправил плащ,
Испил со мной вина, причём остаток
Свернулся в кровь; знакомец посмотрел
В окно, глаза рубином засветились.
И я увидел: поезд повернул,
Он по мосту спускался, по спирали,
А там, внизу, как будто Колизей
Вселенский ожидал нас, он огромен,
Галактике подобен стадион.
Он факелами нервно освещён,
И нам – туда. Мой искренний знакомец
Сказал: «Теперь мужайтесь все»...
Под нами ныли, скрежетали рельсы,
Знакомец вышел прямо через стену,

Пройдя металл, как призрак одинокий.
И стало слышно, что вагоны вдруг
Затихли разом, словно по команде.
Но в то же время с внешней стороны,
Хотя и герметичны были окна,
Вибрация огней и темноты
Раскачивала поезд. Вот уже
Мы уровнями ниже, ниже, ниже.
Галактика пылающих огней
Распахнута вокруг, внизу, над нами.
Но в чьих руках там факелы горят?
Кто нас толпой вселенской ожидает?
И почему мы видим, что стоят
Сожжённые другие поезда,
Пришедшие до нас, и почему
Разодраны они как бы когтями?
Как будто вопль болельщиков вокруг.
До горизонта, дальше и повыше —
Волнуется и плещется толпа,
Но нелюди, не люди там стоят,
А существа, подобные чертям,
И радуются, гады, и ликуют.
И поезд въехал между этих толп,
И взламывают двери, в окна бьют,
И скалятся по окнам. Поезд сдавлен —
И лопнул он, как целый шар земной.
...Была ль вина у нас? Она была.
Но не было вины на самом деле.
Жестоки размышления мои.

Жесток сюжет, жестокие виденья.
Кто создал нас, тот создал Колизей,
Который принял наш полночный поезд.
Кто ссорит братьев, семьи и друзей?
Кто жить зовёт, ничем не беспокоясь?
Здесь размышлений тьма: и кто обрѣк
Зачем вложил программу в этом свете;
Кто в Матрицу вложил упрямый рок;
Кому мы снимся? На какой планете?

«Здесь не встречаются день и ночь...»

Здесь не встречаются день и ночь,
Даже названий нет.
Здесь – две галактики, мать и дочь,
Вдаль излучают свет.

Снятся им росы земной травы,
Образы снов странны:
По небу ходят морские львы,
Клоуны и слоны.

– Матушка, снится мне дивный сон,
Он не рождает страх,
Сон мой прекрасен, но точно он
Не о моих мирах.

Матушка, видели ль тоже вы
Эти не наши сны? —
По небу ходят морские львы,
Клоуны и слоны.

– Доченька, с детства мне снится так,
Кто ж его знает, что.
Видимо, данный вселенной знак —

Нам сновиденье то.

Живы ль они иль давно мертвы,
Здравы или больны?
Да и к чему нам морские львы,
Клоуны и слоны?..

Сон, словно луч, от Земли летит,
Звёздный взрывая мрак.
Девочка в хосписе крепко спит.
Девочка. Хоспис. Рак.

И от подушки, от головы,
Космосом продлены,
В небо уходят морские львы,
Клоуны и слоны.

Качели: земные и небесные

Детство. Сад. Айва золотая.
Чуть поодаль качели летают.
С облаками качели кружатся,
Тени тихо на утро ложатся.

На качелях стихи сочиняю,
Ничего я о мире не знаю,
Но, с фантазией той неуёмной,
То легенда была, точно помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.